

УДК 39(470.67)

ББК 63.52(241=Д)

Э 53

Эльмурзаева Аминат Джамалутдиновна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных наук Дагестанского государственного института народного хозяйства, т.: 8(928)9693645, e-mail: eaminat@mail.ru

**ТРАДИЦИОННЫЕ НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ НА СВАДЬБЕ
И СВАДЕБНОМ ЗАСТОЛЬЕ У НАРОДОВ ДАГЕСТАНА
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

(рецензирована)

На основе нового этнографического материала, собранного в пяти разных селениях Дагестана, автор постарался показать высокую культуру поведения дагестанцев на свадьбе и свадебном застолье в 19 – начале 20 века.

Ключевые слова: *свадьба, застолье, тамада, угощение, поведение, этикет.*

Elmurzayeva Aminat Dzhamalutdinovna, Candidate of History, lecturer of the Department of Humanities of Dagestan State Institute of National Economy, tel.: 8 (928) 9693645, e-mail: eaminat@mail.ru

**TRADITIONAL STANDARDS OF CONDUCT IN WEDDING AND WEDDING
FEAST OF THE PEOPLES OF DAGESTAN IN XIX – BEG. XX CENTURY**

(reviewed)

The author tried to show a high standard of behavior of the Dagestani in wedding and wedding feast in the 19th - early 20th century on the basis of a new ethnographic material collected in five different villages in Dagestan.

Keywords: *wedding, banquet, toastmaster, food, behavior, etiquette.*

Настоящая статья написана на основе полевого этнографического материала, собранного автором в 2008–2009 гг. в селах Агвали, Унцукуль, Хаджал-Махи, Кумух и Шовкра. Излагаемые в статье факты говорят только о тех штрихах свадебной обрядности, которые автором подмечены и зафиксированы непосредственно в этих

селениях, хотя частностей, особенностей, разнохарактерных сюжетов в традиционном свадебном застолье и свадьбе вообще у народов Дагестана было гораздо больше.

В условиях Дагестана, где небольшие селения с числом жителей примерно 60–120 человек составляли подавляющее большинство, свадьба представляла собой характер общесельского торжества. Более того, она выходила за эти рамки, если учесть, что множество друзей и кунаков стороны жениха и невесты приходили приглашенными, зачастую безо всякого приглашения, чтобы поучаствовать в свадьбе, повидаться с кунаками, друзьями и приятелями, насладиться общением с ними, отдохнуть и повеселиться и, главное, оказать внимание и уважение организаторам свадьбы.

Порядок размещения участников торжества постоянным не был. На самом почетном месте застолья сидел обычно тамада: он занимал среднее место у стены, противоположной входу в помещение, за его спиной обычно навешивался красочный ковер. С приходом уважаемых людей селения сидящие, не сговариваясь передвигались таким образом, чтобы посетитель оказался как можно ближе к тамаде: самым уважаемым из них доставалось место справа от тамады. Традиционное право на почетное место имели также и посетители из других, ближних и дальних селений. Таким образом, в процессе застолья присутствующие меняли свои места неоднократно. При этом чаще всего происходил своеобразный этикетный церемониал: тот, которому предлагали почетное место, часто отказывался, протестовал, говорил, что ему крайне неловко беспокоить почтенных людей, что ему будет удобно и комфортно на любом месте общего застолья. Предлагающий вновь пришедшему свое место настойчиво навязывал, уверял, что не успокоится, пока столь почетная личность не займет подходящего ему места и т.д. Такие взаимные знаки уважения в обществе не считались неуместными, они были призваны поднять престиж собравшихся на торжество, и считались правилами хорошего тона. Последнее слово в этой этикетной перепалке принадлежало тамаде, и гость усаживался туда, куда ему тамада, в конце концов, указывал.

Пока к столу подавались блюда, присутствующие вели беседы на отвлеченные темы, пока, наконец, хозяин дома робко и в почтительных фразах не напоминал, что блюдо стынет, собравшиеся, наверное, проголодались и неплохо бы приступить к трапезе. Первым начинал еду не тамада, а кто-либо из ближайших родственников

хозяина дома. Обычно он брал со скатерти кусок чурека, отламывал от него небольшой кусок и со словами положенной при таких обстоятельствах короткой молитвы-формулы, ел этот кусок хлеба с кусочком мяса, сыра, с бульоном и др. Считалось, что после этого «стол открыт», и каждый может приступить к угощению, еде. Если к столу подавался бульон или суп в пиалах, посуда двигалась, передаваясь из рук в руки, с краев стола к его середине. По установившейся традиции, окончательно позабытой примерно к послевоенным годам, бульон и (или) суп нужно было съесть до конца – с мясом, колбасой, с любой приправой, стоящей на столе. После этого можно было есть что угодно и сколько угодно, непреложно соблюдая правило: брать с подноса, из миски, тарелки можно было только то, что находится непосредственно перед участником трапезы. Считалось крайне неэтичным тянуться за тем или иным кушаньем, находящимся в стороне. Нередко еда бралась ложками несколькими участниками застолья из одной тарелки. В таких случаях часть еды ложкой бралась только перед собой – не напротив и не на стороне. Самые изысканные кушанья обычно ставились перед тамадой. Тот же, время от времени, угощал лакомыми кусочками, печениями, фруктами гостей общего застолья. Это делалось в знак особого уважения и расположения, или за удачную шутку, хороший тост, хорошо исполненную песню и т.д. «И при скромной семейной трапезе, и при обильном коллективном застолье обязательными были требования общего характера, совокупность которых по местным традициям, соответствовала понятию «благородный», «воспитанный», – пишет С.А. Лугуев. – Это те же требования не набрасываться на еду, есть как бы, между прочим, нехотя, спокойно и не торопясь, не разглядывать блюда, кушанья, яства на столе, не заглядывать в тарелку рядом или напротив сидящих; довольствоваться тем, что непосредственно перед тобой, есть мелкими порциями, откусывать небольшими кусочками; подносить пищу руками ко рту, не наклоня (точнее, наклоня только слегка) голову к пище; не сопеть и не чавкать, жевать с закрытым ртом, не говорить с пищей во рту; постоянно следить за тем, чтобы губы, подбородок, нос, усы и борода не были в крошках, жиру, не облизывать губы; воздерживаться от отрыжек; пробуя фрукты, овощи, угощать их небольшими кусочками, рядом и напротив сидящих; не ковыряться в зубах; не распространяться о качестве пищи...» [1]. Как видим, требования поведения на общем застолье у «диких», «варварских» дагестанцев, каковыми считали их многие русские и

иностранные путешественники, военные, торговые люди и проч. в XIX в. ничем не уступали так называемым «европейским стандартам», и даже порой превосходили их. Это результат внутренней культуры народа, формировавшейся веками, в основе которого лежал доминирующий принцип: не создавать атмосферы дискомфорта присутствующим, оказывая тем самым глубокое уважение к ним.

Большая роль на свадьбе отводилась тамаде. Он обычно выбирался из наиболее уважаемых людей селения, знающих все тонкости и нюансы взаимоотношений семей, тухумов, свободно ориентирующиеся в достоинствах и недостатках односельчан, обладающих даром красноречия, здоровым чувством юмора и умеющим быстро реагировать на те или иные неожиданности, перипетия за столом общего веселья. С кем-то он затевал шутливую перебранку, зная, что тот на потеху публики будет остроумно отвечать, кого-то за дело или по вымышленному эпизоду нарочито резко отчитывал, будучи уверенным, что звучащие в ответ оправдания будут забавными, кого-то за какой-то поступок хвалил таким образом, что на деле похвала оборачивалась порицанием, что веселило публику. Бокал хмельного вне очереди мог предложить тамада кому-либо из присутствующих, предложение это предварялось хвалой тамады награждаемого за высокие человеческие качества. Порядок за столом также зависел от тамады. Сделанное в мягкой, нередко в иносказательной форме замечание в адрес так или иначе нарушающего уставные правила коллективной трапезы и веселья было достаточно, чтобы виновный устыдился и в дальнейшем вел себя прилично. Встать с места и выйти из помещения присутствующий на свадьбе мог только с разрешения тамады. При этом и просьба ненадолго удалиться обставлялась весело и остроумно, и разрешение, даваемое тамадой, строились в такой манере, что вызывало веселый смех присутствующих.

Женщины на свадьбах сидели в другом помещении, и если и показывались в комнате, где собрались мужчины, то только для выполнения какого-нибудь поручения. По предложению тамады кого-нибудь из женщин, известных как отличных исполнительниц местных песен, могли также пригласить в комнату, где собрались мужчины. На предложение спеть песню женщина, как правило, соглашалась не сразу, мотивируя это тем, что она сегодня «не в голосе», что давно уже не пела и опасается осрамиться, что большую часть песен она давно уже забыла и т.д. Все же, под настойчивые просьбы мужчин и особенно тамады женщина пела для собравшихся

оду-две песни и получив от тамады лестные комплементы и какой-нибудь подарок с его стола, удалялась под одобрителные восклицания мужчин.

В комнате, где собрались и пировали женщины, порядки были упрощенные. Они, не особенно церемонясь, угощались всем, что было подано к столу, шутили, пели, танцевали, занимались сельскими пересудами, и вообще вели себя вольно и непринужденно. Время от времени один из распорядителей, помощников тамады, вызывал женщин и мужчин во двор или в общую большую комнату, где устраивались парные и групповые танцы. Чтобы оказать уважение той или иной женщине, ее партнер дарил ей определенную сумму денег: ассигнация либо передавалась непосредственно в руку партнерши или демонстративно клалась ей на голову. Упавшие на землю деньги собирались молоденькими девочками-подростками и передавались по назначению. Впрочем, наши информаторы склонны считать, что это не местный, не традиционный обычай, а перенятый у кумыков и народов Северного Кавказа. Иногда молодые парни из состоятельных семей бросали на голову нравящейся ему партнерши довольно значительную сумму денег. В народе это не запрещалось, но в то же время осуждалось, оценивалось как отсутствие надлежащего такта и скромности. По народным понятиям такой жест оскорблял достоинство подавляющего большинства других юношей, не имеющих возможности для такого демонстративного жеста. Особенно много денег бросалось на площадку, когда объявлялся танец жениха и невесты, или если отец жениха приглашал на танец мать невесты и наоборот и в некоторых других случаях. Почти каждый мужчина, приглашавший на танец невесту, одаривал ее той или иной суммой денег. Все деньги, собранные невестой, таким образом, становились ее личной собственностью.

Таким образом, наш полевой этнографический материал, несмотря на его довольно узкий охват, позволяет говорить о дагестанской свадьбе и дагестанском застолье как о свидетельствах того, что в XIX – начале XX в. это были продуманные мероприятия, рассчитанные на то, чтобы весело и комфортно на этих мероприятиях чувствовало себя большинство населения, собравшегося на торжество. Этот факт не может не говорить о высокой традиционной духовной культуре народов Дагестана, где честь, достоинство, самолюбие собравшихся людей ставились превыше всего и доминирующим принципом проводимого мероприятия был принцип: веди себя таким образом, чтобы остальные участники собрания не испытывали чувство дискомфорта.

Литература:

1. Лугуев, С.А. Культура поведения и этикет дагестанцев. Махачкала, 2006. С. 222–223.

References:

1. Lugev S.A. Culture of conduct and etiquette of the Dagestani. Makhachkala, 2006. P. 222-223.